

ность преподавателя истории искусств, десять лет он возглавляет это учебное учреждение. Тесно переплелась в судьбе Степана Петровича педагогическая и научная работа. Екатеринбургской художественно-промышленной школе была посвящена его кандидатская диссертация.

Старейший искусствовед Екатеринбурга, профессор кафедры истории искусств УрГУ Степан Петрович Ярков не устает повторять, что наиболее важным в современной ситуации должно быть сохранение традиций художественного образования. Традиции осмысливают, сохраняют и передают люди. Для Степана Петровича история училища – это история творческих судеб учеников и преподавателей. Немало сил было потрачено на создание биобиблиографического словаря учеников и педагогов. Словарь этот – уже сам по себе явление уникальное, а ценность его для истории искусства Урала трудно переоценить. Перед нами – преподаватели, определявшие в разное время особенности развития изобразительного искусства края: М. Ф. Каменский, В. А. Алмазов, Т. Э. Залькалн, А. Н. Парамонов, В. В. Коновалов, С. Д. Эрзя, Л. В. Туржанский, А. А. Лабас, П. П. Шарлаимов, И. И. Трёмбовлер, И. А. Камбаров, П. П. Хожателев, Ф. К. Шмелев, Н. П. Голубчиков, Г. А. Мелентьев, Б. В. Павловский, Г. П. Гаев, Г. С. Мосин, Ю. К. Киселев; в списке учеников – имена, ставшие известными в искусстве Урала и за его пределами: И. Д. Шадр, И. К. Слюсарев, А. А. Анисимов, О. Э. Бернгард, В. М. Друзин, Е. Н. Широков, Е. И. Гудин, А. Г. Пологова, В. М. Волович, А. И. Зыков, А. А. Шумилкин, Н. С. Гаев, А. А. Казанцев, Г. С. Метелев и др.

«Художественная школа Урала» получила заслуженное официальное признание. Но гораздо важнее то, что книгу Степана Петровича высоко оценили сами художники – те, для кого художественное училище стало началом творческого пути и кому необходимо ощущать свои корни. Научный труд о развитии художественного образования края имеет не только искусствоведческую ценность, он активно влияет на формирование творческой позиции молодых мастеров, на их понимание того, какой мощной живительной силой и энергией обладают художественные традиции.

М. А. Фельдман

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Рец. на кн.: *Главацкий М. Е.* История интеллигенции России как исследовательская проблема: Историографические этюды. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 160 с.

Властвует ли время над людьми? Конечно, властвует. Следует только учитывать, над какими людьми и в какой мере. Можно ли представить покорным возрасту историка, работающего семь дней в неделю, на протяжении последнего, столь нелегкого десятилетия ежегодно организующего Всероссийские научные конференции; автора большого ряда монографий, энциклопедий, хрестоматий? Рецензируемая монография является одной из ключевых работ автора.

М. Е. Главацкий представляется мне неким патриархом изучения истории интеллигенции в России. По типу мышления он ближе к Дэн Сяопину, чем к Никону. Тщательность и выверенность оценок превалирует над быстротой и категоричностью суждений. Обратившись к истории интеллигенции России, М. Е. Главацкий сосредоточен на поисках рационального зерна в доводах самых разных исследователей, в том числе противостоящих друг другу. Его заботит не выявление крамолы, а поиск истины. Например, историки и философы дружно не соглашались с данной А. И. Солженицыным характеристикой интеллигенции как «образованщины». М. Е. Главац-

кий подчеркивает, что А. И. Солженицин указывает на размытость самого понятия «интеллигенция» и протестует против включения в это понятие государственных служащих, к которым (а это многочисленный слой) А. И. Солженицин и относит термин «образованщина» (с. 9)*. Или другой пример: крайностью, столь привычной для начала 1990-х гг., стало мнение об интеллигенции как духовной элите общества. Такая точка зрения получает в монографии иронические комментарии (с. 16–17).

Проследивая дискуссию сторонников социологического и культурологического подходов, М. Е. Главацкий выделяет точку зрения о двуединой природе интеллигенции, которая представляет собой и социальную общность тружеников духовного производства, и общность культурную (с. 10). Эта общность носит конкретно-исторический характер. Симпатии автора вызывает позиция В. Л. Соскина, утверждавшего, что каждой эпохе соответствует «своя» интеллигенция (с. 18, 27).

В историографическом обзоре (первая глава) в качестве позитивного явления рассматривается появившееся в научной литературе представление об интеллигенции как многослойном социальном феномене. Данная социальная общность имеет ядро и периферийные слои. В изучении этих специфических свойств и состоит смысл и содержание работы исследователей интеллигенции (с. 20). Такое утверждение не вызывает сомнений, хотя с сожалением отмечу: мимо внимания автора монографии прошло то, что подобные выводы сделаны историками, например С. А. Федюкиным, еще в 1960-е гг. – в отношении дореволюционной интеллигенции. Генетическая связь поколений интеллигенции, конечно, претерпела деформации за первые десятилетия XX в., но сохранила сущностные признаки социума – многослойность и неоднородность. В советский период при деформации ядра возобладала периферия социальной общности.

Первую главу органично завершают два документа – наиболее значимые, по мнению автора, выступления специалистов по истории интеллигенции, опубликованные за истекшее десятилетие. Велика сила первоисточника: вдруг замечаешь неточность в толковании цитаты в критике одним уважаемым мэтром другого (с. 36–37).

Вторая глава посвящена проблеме высылки из РСФСР в 1922 г. инакомыслящей интеллигенции. Аналитический обзор исторической литературы последних пятнадцати лет позволил выделить в качестве основополагающей позиции прямую связь идеологии марксизма с изгнанием элиты интеллигенции из России. Обратившись к марксистской концепции интеллигенции, М. Е. Главацкий отмечает такие корневые установки этой концепции, как антиинтеллектуализм, нигилистическое отношение к умственному труду, духовной культуре, интеллигенции как ее активному субъекту и носителю. Автор соглашается с выводом В. Л. Соскина: высылка элиты интеллигенции стала кульминационным моментом в утверждении идеологического господства большевизма.

Но кто же был инициатором этой высылки? На основе ленинских директив и указаний, опубликованных в Полном собрании сочинений В. И. Ленина, М. Е. Главацкий выстраивает хронологическую цепочку событий. Казалось бы, приоритет Ленина и в теме «вины» интеллигенции за инакомыслие, приравненное к антисоветчине, и в выдвижении лозунга «препровождения преподавателей и членов ученых обществ в страны буржуазной демократии» доказан. Однако ученый задается еще и вопросом: а в чем заключалась роль сподвижников Ленина? В изучении первоисточников историк пришел на помощь историографу. Черновик статьи Л. Д. Троцкого в архиве РГАСПИ подсказал, кто был автором одной из самых «зубодробительных»

* Здесь и далее в скобках приводятся ссылки на страницы рецензируемой книги.

статей, обращенных к литераторам. Единство мнений Ленина, Троцкого, Семашко поражает: с призывами к репрессиям против интеллигенции, к высылке выступают те, кого традиционно относили к партийцам-интеллектуалам. У нас нет сомнений в том, что Сталин поддерживал подобную линию по отношению к интеллигенции, но утверждение автора об особой роли Сталина в высылке интеллигенции в 1922 г. (по мнению М. Е. Главацкого, все нити этой операции сходятся к Сталину) не находит в монографии документального подтверждения. Более убедительны ремарка автора о не выявленных документах, раскрывающих роль Сталина, а также конкретный пример практики весны 1922 г.: сопроводив директивное письмо Ленина лаконичной резолюцией, Сталин пересылает документ в ГПУ.

Третья глава затрагивает вопрос взаимоотношений интеллигенции и власти. Допустим ли конформизм в этой сфере? История России знает две модели поведения интеллигенции. Первая предполагает отторжение власти, взаимную конфронтацию. Вторая видит в конформизме вполне законное примирение интересов путем обоюдных уступок (с. 116). Для выяснения парадигм поведения интеллигенции по инициативе М. Е. Главацкого в 1998 г. в Екатеринбурге была проведена Всероссийская научная конференция «Интеллигенция и конформизм». На конференции прозвучало осуждение и первой, и второй поведенческой позиции интеллигенции (с. 121–123).

Историограф, конечно, имеет право на бесстрастное изложение взглядов своих коллег, но в этом случае остается в стороне гражданская позиция автора, его жизненный опыт. Знаменательно, что М. Е. Главацкий как организатор конференции роль основного докладчика предоставил С. А. Красильникову, выступившему в защиту конформизма. В силу того, что важнейшей интегральной функцией интеллигенции является сближение позиций отдельных социальных слоев и групп общества в единый социум, С. А. Красильников пришел к выводу: конформизм для основной массы интеллигенции выступает как позитивная социальная ценность, позволяющая реализовать общесоциальные функции, приспособление своего труда к нормам и стандартам общества (с. 120–121).

Отметив негативное восприятие такого подхода со стороны большинства участников конференции, М. Е. Главацкий тем не менее подчеркивает: неприятие конформизма страдает определенным упрощением проблемы (с. 122). Разделяя в принципе взгляды С. А. Красильникова, ученый замечает, что допустимость и позитивные моменты в конформизме должны определяться исходя из нравственных аспектов. Исследователи должны выяснить, как выглядел конформизм на практике: насколько он согласуется с понятиями чести и достоинства (с. 125, 127); где он был явлением естественной адаптации, условием социализации, а где приспособленчеством.

Новая книга М. Е. Главацкого не дает развернутых ответов на глобальные проблемы. Читатель, привыкший к категоричным дефинициям учебника, останется разочарованным. Перед нами скорее проникающий срез потока мысли, отражение хода интеллектуального процесса, соединившего знания дореволюционной, советской и молодой постсоветской российской исторической науки. Очевидно, что М. Е. Главацкий попытался подвести лишь предварительные итоги изучения проблемы истории интеллигенции. Отсюда явление незавершенности, иногда и схематичности изложения, что, впрочем, вполне соответствует заявленному жанру исторических этюдов. Не забудем, однако, главное: перед нами одна из первых попыток защитить российскую интеллигенцию от надуманных во многом нападок, а также самоунижения интеллигенции после трудностей и поражений 90-х гг. XX в.

Собственно говоря, российская история уже знала такой период разочарования интеллигенции в первый приход капитализма в нашей стране. Надежды на «царство

свободы» как в 1862 г., так и в 1992 г. оказались призрачными. У интеллигенции не остается ничего иного, кроме мужества и достоинства, чтобы не только сохранять и приумножать культурные ценности общества, но и влиять на власть, используя свой профессиональный и нравственный ресурс. И в конце XIX, и в конце XX века самостоятельно мыслящая часть интеллигенции нашла в себе силы отречься от иссушающего влияния марксизма как всепоглощающей парадигмы раскола общества по классовому признаку. Традиция «Вех» почти столетие спустя требует консолидации общества, отказа от идеологии недопущения политических столкновений и революционных катаклизмов, так же как мировая тенденция XXI в. – превращение интеллигенции в главную производительную силу общества – диктует необходимость симбиоза интеллигенции и власти. Книга М. Е. Главацкого позволяет и власти, и интеллигенции лучше понять свою прошлую историю и осознать собственную взаимозависимость.